

Адил

Дүйсенбек

ШЕРАГА,

или БЛАГОДАРНЫЕ ПОТОМКИ СИНЕГО ВОЛКА

(Роман-эссе)

НАРОД ВАС ПОЧИТАЕТ

Незадолго до окончания депутатских полномочий в Парламенте второго созыва я сказал Шерага:

– По служебным делам съездил в родные края.

– Все хорошо? – оживился он. – Как там?

– Говорят, что и в следующем году намерены выдвинуть Вашу кандидатуру в депутаты.

– Что ты говоришь? – Шерага блеснул очками. – Что, кроме меня нет людей?

Есть же замечательные ребята, которые любому дадут фору.

– И все же им далеко до Вас.

– Не льсти мне! Я уже все отдал народу. Теперь надо уступить дорогу молодым.

Шерага одернул меня, будто я приехал от имени целого аула. А потом, смягчив голос, сказал:

– Семьдесят лет – нелегкий возраст по сравнению с вашими шестьдесятю.

Должна быть ответственность. То есть у человека должна быть возможность нести ответственность. На какой стадии эта возможность? Сможешь ты реализовать ее? Каждый человек прежде всего должен ответить на этот вопрос. Правда, есть такие, которые не чувствуют, имеют ли возможность трудиться. Это уже зависит от личностных качеств человека. Только духовно богатые люди анализируют ответственность, думают о том, имеют ли возможность нести ответственность. И лишь после этого принимаются за дело. Сейчас среди молодежи много таких людей. Можно сказать, что их число растет день ото дня. Вот они берут на себя ответственность. Во время прошлых выборов я видел, что значит участвовать в предвыборной гонке. Тогда я лишь по просьбе большинства земляков согласился участвовать в выборах. А позже от них и натерпелся.

– Перестаньте, Шерага, я не слышал, чтобы кто-то выступил против Вас.

– Я не про простых людей говорю, а про тех, кто баллотировался по тому же округу.



– Их немного ведь было.

– Откуда? Поначалу нас было около десяти кандидатов. Позже осталось два – три человека, и люди разделились, не зная, кого поддержать. Приезжаешь на встречи с избирателями, а они говорят – тот кандидат обещал сделать то-то, этот кандидат обещал другое. А что ты сделаешь для нас? Оказывается, в таких случаях теряешься и не знаешь, что ответить. Я не коммерсант, чтобы налево-направо разбрасываться деньгами. И не большой чиновник, у которого в руках есть власть чтобы давать обещания. Я умею только писать, об этом и говорю. Но говорю, что если стану депутатом, не буду сидеть сложа руки. А людям что нужно? Не простые слова, конкретные дела.

– Так ведь освоение Амангельдинского газового месторождения и есть результат конкретного дела!

– Это другая история, – возразил Шерага. – Я говорю про события во время предвыборной гонки. Ойпырай, оказывается, мы не замечаем, что среди нас много разных людей. Мы встретили и таких, которые переиначивают твои слова и используют в своих интересах, – Шерага сделал паузу, во время которой, казалось, решал – рассказывать или нет. Затем улыбнулся, видать, принял решение. И веселым голосом сказал: – Был у нас интересный случай. С одним из троих кандидатов мы провели встречу в одном ауле. Подъехали к Таразу, где должны были расстаться, потому что мне нужно было ехать в Жуалы, а он собрался в свой район. Вышли из машин. Что в таких случаях говорят? «Пока, до свидания». По этой традиции я по старшинству протянул ему руку: «Ну, счастливого пути». И знаешь, как он извратил эти мои слова! Везде, где встречался с избирателями, стал говорить: «Голосуйте за меня! Шерага сам уступил мне дорогу и пожелал счастливого пути!» Народ мне с вопросом: «Это правда? Почему Вы так поступили?» Что можно сказать в таких случаях? Даже стыдно опровергать: «Он врет, я так не говорил». И вообще, чтобы так говорить, нужно ведь заново объехать все населенные пункты, где уже побывал. Это мне к лицу, скажи, Архари?

– Нет.

– Во-от, теперь видишь, те неприглядные моменты, произошедшие четыре года назад, сейчас тем более унижительны. Так что спасибо моему народу, больше не буду баллотироваться в депутаты. А слова, которые потребуются сказать с трибуны Парламента, могу довести до людей, не выходя из дома. Лишь бы Бог не лишил меня сил и вдохновения. Еще хочу пожелать, чтобы было больше сознательных людей и руководителей, которые сделают выводы из моих слов.

Не бросавший слов на ветер Шерага и после нашей беседы не изменил своему правилу. Кстати, этот разговор состоялся накануне признания книги «Елім, сағанайтамын, Елбасы, сен де тында!» («Народ, говорю тебе, Елбасы, и ты слушай!»), изданной на основе переписки Шерага с другом Камалом, лауреатом казахского ПЕН-клуба в мае 2013 года. Ясно, что свои мысли Шерага писал, сидя дома. Народ всегда будет ждать, что скажет Шерага, а руководители примут написанное им к сведению.

РАДОСТЬ – УМЕТЬ РАДОВАТЬСЯ

Ночью я дежурил по очередному номеру газеты, поэтому на работу пришел позже обычного. «Девушка секретарша» Реке (так мы любя звали Раису Ибраеву, которая уже перешагнула шестидесятилетний порог), увидев меня в коридоре, окликнула:

– Вас Шерага ищет.

– Что-нибудь серьезное?

– Не знаю, два раза звонил по телефону. Я сказала, что Вы после ночного дежурства немного задержитесь.

Войдя в кабинет, я тотчас набрал рабочий телефон Шерага в Парламенте. Трубку поднял его помощник Ергали. «Шерага приболел, дома лечится», – сообщил он. Взволнованный, я позвонил ему домой. Трубку подняла Акбилек.

– А, это ты, Адил, как дела? – поздоровалась она и передала трубку Шерага.

– Ничего особенного, – сказал Шерага на мой вопрос о его здоровье. – Вчера на прогулке после бильяра, видать, слегка продуло. Поел горячего супа, вспотел. Сейчас чувствую себя нормально. Может, до вечера приду в себя и буду готов пойти в бильярдную. Будь на связи. Кстати, ты, оказывается, написал на тему, о которой я тебе говорил недавно. Сегодня прочитал. Обрадовался. Хотел поблагодарить тебя от имени ветеранов...

– Ой, спасибо, Шерага, напротив, я должен сказать Вам спасибо за то, что подсказали мне такую тему. Большое спасибо! Обрадовали меня добрыми словами, сказав, что обрадовались.

– Ну-ка, повтори, как ты сказал: обрадовал, сказав, что обрадовался? Какие хорошие слова! Так и просят на большую тему! Подумай. Кто, если не мы обратим внимание читателей на такие нюансы? Когда встретимся, может быть, я кое-что подкажу тебе. Как в тот раз, когда говорили о ветеранах.

В этот раз мы больше внимания уделили не игре, а обмену мыслями. Шерага, как заранее подготовившийся преподаватель-академик, стал читать лекцию о том, что такое радость, какое место она занимает в жизни человека, о ее влиянии на окружающую среду, о ее религиозной и научной роли. Бильярд остался в стороне. Я только поддакивал и запоминал все, что он говорил.

Позже изложив все эти мысли на бумаге, я позвонил Шерага.

– Шерага, я написал о том, что Вы говорили в прошлый раз, – доложил я ему горделиво, будто закончил большое дело.

Обычно он переспрашивал «о чем это ты, и что я тебе говорил». Но в этот раз он сразу же переспросил:

– И как вышло?

Видимо, он ждал, что же я напишу.

– Вроде неплохо. Основываясь на Ваших мыслях, постарался выразить собственное мнение.

– Ты не можешь при написании материалов не ссылаться на меня, – упрекнул он.

– Но ведь идея Ваша, как же я могу говорить от своего имени.

– И все же дай мне посмотреть перед тем как предложишь газете, – сказал Шерага и положил трубку.

Я тотчас же отправил ему уже готовый материал. Придя утром следующего дня на работу, увидел, что он оставил рукопись в приемной главного редактора. Просмотрев его правки, я изумился: он всюду убрал свое имя и изложил материал не от третьего лица, а от первого лица. И заголовок сам придумал: «Умение радоваться – тоже радость». Мысли – Шерага, изложение – мое. Вот что из этого получилось:

«От того ли, что родились и выросли в ауле, причинно-следственные связи любой проблемы мы, в первую очередь, связываем с примерами из родного края. И кажется, что неожиданные мысли, неординарные мнения приходят как из рога изобилия, если ступаешь по родной земле. Что это за сила такая? Или это та чистота, с которой мы жили в детстве, когда все вокруг казалось милым и греющим».

даже если случались обиды и горе. Трудно сказать, но назрела еще одна потаенная мысль, которой хочется поделиться.

...С тех пор, как приехали в родное село, ни дня свободного не было: близкие и родные поочередно приглашали в гости. Но мы не могли обойти вниманием шапырак одной тетушки, которая доводилась родственницей в третьем колене. Едва мы расселись за дастарханом, как на улице раздались шумные голоса.

– Мама, старший брат Салима женится!

– Ну и что тут такого, мне-то какое дело?

– А суюнши разве не дадите?

– Ты что, совсем ополоумел, так радуешься, будто родной брат женится! Суюнши захотел! Не надоедай!.. – стала выговаривать женщина во дворе.

Тетушка, перебивая ее, выскочила из дома.

– Ты чего тут болтаешь? – раздраженно крикнула она. – Вот из-за такой черной души тебя здесь никто и не любит. – (Мы слышали, что внучка тетушки, живущая по соседству, развелась с мужем и вернулась домой). – Не умеешь радоваться чужому счастью! Чего накричала на ребенка, беспутная?!

Я заинтересованно вслушался. Не умеешь радоваться... Какой огромный смысл кроется в этих словах?! В другой раз, может быть, не обратил бы внимания на эти слова, но их произнесла простая сельская женщина. Кто в этой жизни не женится, кто не вводит в дом невестку? Но много ли тех, кто со стороны радуется этому и спрашивает подарок за добрую весть – суюнши? Не то что от чужих, даже от близких по родству людей зачастую такого не увидишь.

Войдя обратно в дом, тетушка долго не могла успокоиться.

– Что происходит с людьми? – сказала она, держась за сердце. – Порой кажется, что все становятся жестокими. Не общаются друг с другом, родственников ищут только тогда, когда попадают в какие-то переделки. Раньше как было: если слышали весть, что в том или ином доме намечается торжество, всем аулом собирались поздравлять и радоваться за односельчан. Спрашивали, какая помощь нужна, чего не хватает. А теперь не то что порадоваться, даже по приглашению в гости ходят избирательно. Не пойму, то ли люди так изменились, то ли время.

Ее слова заставили задуматься. Чай остыл, к еде не было желания притрагиваться. Все сидели, погруженные в свои раздумья. «То ли люди так изменились, то ли время», – говорит. А имеет в виду обесценившиеся человеческие ценности и обычаи. Раньше, будучи детьми, мы жили согласно традициям. В небольшом на две – три улицы ауле мы знали не только каждого жителя, но даже как выглядела скотина в их дворах. Вечером животные возвращались с пастбищ, и в суматохе некоторые забредали в соседские дворы. Мы узнавали, чьи они, и сообщали хозяевам, чтобы они забрали свою живность. На что хозяева спокойно отвечали: «Мы так и знали! Завтра утром не забудьте выгнать на пастбище».

А как они были отзывчивы! Ой-хой, это трудно передать словами. Нам казалось, что они рождены от одного отца и одной матери, так были похожи характерами. Можно было запросто войти в любой дом и попросить нужное. И никогда не было отказа в просьбе. Никто не хмурился в ответ, не выражал недовольства. Их единокровие ярко проявлялось, если у кого-то планировалось торжество. Всем аулом готовились. Кто-то готовит мясо, другой набирает воду... В такие дни мы, дети, ходили по домам и просили суюнши за добрую весть. Хотя все знали о предстоящем торжестве, делали вид, что слышат впервые и предлагали самим выбрать суюнши. И где теперь та отзывчивость и братство? В самом деле, то ли люди так изменились, то ли время?

Правда, в последние десять – пятнадцать лет претерпели изменения не только люди и время, но и общество в целом. Все это видно на примере жителей аула. Известно, что сельские жители растерялись, когда привычный уклад жизни был вытеснен рыночными отношениями. Потеряли самое важное – добрососедство. Теперь каждый сам за себя, все превратились в индивидуалистов, которые уже не придут разделить горе или радость соседа.

Казахи многое повидали. Тысячу раз умирали и тысячу раз воскресали. Поэтому смогли сохранить некоторые национальные традиции. В едином порыве наш народ преодолел жесточайшие трудности, выпавшие на его долю в годы Великой Отечественной войны! А как восстанавливали потом разрушенное войной народное хозяйство! Трудности сплывали народ. Да, сейчас тоже нелегко, трудно пережить переход из одной формации в другую. Значит, не время изменилось, а люди.

Не будем скрывать, сейчас в ауле есть расслоение на бедных и богатых. Естественно, это тоже сказывается на настроениях людей. Конечно, в ауле нет голодающих, но отношения между людьми заметно охладели, потому что бедный хочет стать богатым, а богатый, как говорится, – богом. Это опасное явление. В погоне за материальными богатствами люди порой забывают о духовной стороне жизни, теряют тепло души. Вот почему они перестают радоваться. А человека, который не умеет радоваться, благополучие обходит стороной.

У казахов издревле существуют три истины: луна – общая, солнце – общее, радость – общая. Посмотрите, после двух первых ведь немало и других явлений, которые могли бы стать вместо радости. Почему не воздух, к примеру, или вода? И даже не земля, за которую любой из казахов готов пожертвовать собой. Радость поставлена выше. В хадисах Пророка Мухаммеда (да благословит Его Аллах и приветствует) говорится, что если ты радуешься своим хорошим делам и горюешь от своих несправедливых поступков, значит, ты верующий человек. Аллах Всемогущий любит тех, кто протягивает руку помощи переживающим трудности. Аллах Всемогущий насылает немилость на тех, кто недоброжелательно относится к родственникам. Считаю, что сделал доброе дело перед Аллахом Всемогущим, если услышал от соседей добрые слова о себе.

Да, радость – уметь радоваться. Люди должны разделять не только горе, но и радости. Надо ценить, что каждый из нас рожден на этот свет, чтобы радоваться жизни. Каждый новый день – это неповторимый дар Создателя. И нельзя их делить на хорошие или плохие дни. Каждый проживет их так, как ниспослано сверху. Надо уметь довольствоваться тем, что есть, уметь делиться как своей радостью, так и радоваться успехам других. Жизнь тем и прекрасна.

Сейчас у нас чуть что любят приводить в пример за границу: ой, там жизнь намного лучше. Им легко живется, поэтому там люди живут себе в удовольствие, все довольные, не раздражаются, потому что на это нет причин. Вон, в восточных странах с улыбкой сотый раз отвечают на один и тот же вопрос. Но это далеко не так. Мне посчастливилось побывать в некоторых странах, например, в той же Японии. И там я не увидел той доброжелательности между людьми. Напротив, там люди живут в какой-то суматошной спешке, будто им что-то угрожает. Поэтому неловко их останавливать и расспрашивать о чем-либо.

Безусловно, японцы такие же приветливые люди, как и казахи. Многие наши традиции схожи. Но огромная разница в образе жизни, в проведении времени. Там это – наука. Причем наука, которая охватывает все сферы жизни. И каждый родитель в вопросах воспитания детей не только придерживается всех канонов этой науки, но и вносит в нее свой посильный вклад.

Рассвело, наступило утро – радость. Теперь нужно провести день с пользой и красиво. Что для этого нужно сделать? Они садятся и составляют план на этот день: «До обеда прогуляемся, заберемся на гору. После обеда поедим в театр – отдохнем. Или сегодня выйдем в океан на корабле, или просто побродим среди людей». Во время пребывания в Японии мы часто видели местных жителей, которые группами (дети тоже находились в отдельных группах) прогуливались то там, то тут. Мы спросили у сопровождавшего нас человека, что они делают. На что тот ответил: как и вы, вышли в поход.

Кстати, еще одно отличие японцев от нас – они не оставляют детям в наследство имущество. Потому что это обойдется очень дорого. Например, вам досталась машина от отца. Чтобы переоформить ее на себя, вам придется заплатить в два-три раза дороже стоимости машины в автосалоне. И дом так же. Это сродни нашему «богатства отца не станут таким же богатством для сына». Наверняка в этом тоже есть научная заковыка.

Коль скоро мы говорим, что жизнь – это наука, то умение радоваться можем отнести к искусству как составной части науки жить. Наверное, поэтому раньше индусы учили детей с младенческого возраста радоваться природе, всем ее явлениям. Оказалось, что человек, впитавший в себя радость жизни, меньше болеет и дольше живет.

Как бы там ни было, что может сравниться с радостью, умением радоваться?! Жизнь коротка, поэтому нужно быть опорой друг другу, считаться с настроением окружающих, если по силам, то помогать нуждающимся или просто поддерживать добрым словом.

Итак, кого вы сегодня обрадуете?..»

* * *

Прочитав этот материал в своей газете «Егемен», соседка по кабинету, писательница Жумакуль Куанышбеккызы сказала:

– Неплохо!

– Что неплохо? Тема или мысль? – спросил я, желая узнать мнение коллеги.

– И тема, и мысль.

– Тогда считайте, что Вы это сказали Шерага.

Жумакуль пожала плечами: «Не поняла».

– И тему, и мысль подсказал Шерага, – признался я. – Я только исполнитель.

– Но написали Вы?..

– Да, – ответил я, – как не написать, если Шерага почти надиктовал.

– И все же скажу, что написано неплохо.

Точно такое мнение позже я услышал еще от нескольких коллег. И все как один сказали «неплохо получилось». И я понял: чтобы писатели и журналисты сказали «хорошо получилось», нужно писать, как Шерага. И решил: буду в поте лица трудиться, чтобы заслужить от читателей похвалу: «Хорошо написано»...

КАЛМУХАН ТОЖЕ ХАНСКИХ КРОВЕЙ

– Ты ведь пишешь воспоминания о тех, кто работал в «Егемене».

– Понемногу...

– Перестань скромничать.

– Вы знаете же, – возразил я, – в «Егемене» сейчас одни молодые сотрудники. Поэтому я пишу о тех, с кем посчастливилось работать еще в «Социалистік Қазақстан».

– Значит ты должен знать Саурбека Бакбергенова.

– Знаю. Я диплом защищал по его творчеству. Но не довелось работать вместе с ним. Когда я пришел в «СК», Сауке уже перевелся в издательство «Жазушы».

– Калмукана?

– Исабаева? – спросил я, пытаюсь понять, к чему клонит Шерага.

– Да, я говорю о старшем коллеге, который был комендантом Берлина, наверное, тебе не довелось работать и с ним. Потому что он ушел из редакции раньше Сауке в наш Союз писателей.

Многие журналисты гордятся тем, что были учениками Муртазы, и говорят «мы вышли из чекменя Шерага». Однако в этот раз я заметил, что он больше благоволит писателям. Он как-то по-особенному тепло сказал «наш союз», будто приласкал родное дитя.

– А ты слышал его анекдоты и рассказы? – спросил Шерага. – Они намного интереснее его книг.

– Нет, как-то не вышло.

– Ну тогда ты многого лишился, – сказал Шерага и тут же вспомнил две – три шутки Калеке касательно коллег. – О, это был замечательный рассказчик! С моей стороны не будет приукрашиванием, если скажу, что он был самым саркастическим рассказчиком после Калтая и Садыкбека.

– Наверное, он и про Вас придумывал?

Шерага резко обернулся в мою сторону, блеснув очками.

– Не слышал его анекдотов про меня, – буркнул он себе под нос.

– Почему Вы думаете про анекдоты? Ведь бывают же удачные и интересные шутки. К примеру, Вы же только что вспомнили рассказ Калеке про Абдижамила. Очень впечатляющая и поучительная история. Как прекрасно передан образ Абеке.

Шерага немного помолчал, а потом сказал:

– Е-е, Калмукан был остролов, который на ходу мог ответить шуткой на любое замечание. Да и по характеру был непоседа. Поэтому остроты отражали его характер. Например, перед тем, как началось строительство канала Иртыш – Караганда, из которого мы сейчас пьем воду, он пешком прошел несколько километров и написал роман. И знаешь, что он сказал главному редактору, когда пришел сдавать роман в издательство?

– Нет, не знаю.

– В-о-о! – сказал Шерага, используя русский язык, как всегда, когда у него было хорошее настроение. – Если не знаешь, то теперь знай, тебе от этого вреда не будет. Значит, главный редактор говорит ему: «Калеке, слишком объемный у вас роман получился, нельзя ли немного подсократить. А то некоторые критики, ознакомившись с журнальным вариантом, говорят, что в нем много воды». Будь кто другой на месте Калеке, обиделся бы. Но только не он. Как всегда, он на ходу ответил шуткой: «Имярек, если роман о воде, естественно, в нем должно быть много воды, а не водорослей». Ну что тут сказать?! Главный редактор молча подписал рукопись в темплан.

Шерага задумался, будто вспоминая, о каких еще качествах старшего коллеги рассказать.

– А в принципе он был очень решительным и образованным человеком, – сказал он после непродолжительной паузы. – Он внес неоценимый вклад в то, чтобы стереть из казахской истории имя разбойника Ермака, чьи руки по локоть в крови. Он показал немцам великого поэта Абая с другой грани и добился того, чтобы в центре города Берлина одну из улиц назвали его именем. Поэтому мы не вправе забывать его, так как он многое сделал для того, чтобы возвысить национальную гордость

Шерага преображался, когда рассказывал об интересных людях. Вот и в этот раз он увлеченно вспоминал о своих старших товарищах.

– Кстати, он и нам кое-что говорил, – сказал он, переведя дух. – Нам с Картаем говорил. Однажды в ауле Жамбыл-ата должно было состояться очередное праздничное мероприятие. Поэтому были заказаны автобусы. Ранним утром они подкатили к дверям нашего учреждения. Один белый автобус, остальные – желтые. Собравшиеся у входа поэты и писатели раздумывали, кому в какой автобус садиться. И тогда Калмухан-ага сказал: «Что тут голову ломать?! Шерхан, Калдарбек и иже с ними другие ханы и беки сядут в белый автобус, а остальные шалтай-балтай во главе с Калтаем – в желтые».

– А сам он в какой сел?

– Конечно, в белый автобус, потому что он из ханского рода. Да и имя говорит за себя – Калмухан.

КАЧЕСТВО, ПРИСУЩЕЕ РУКОВОДИТЕЛЮ

– Одно высказывание приехавшего из заграницы единокровного историка Зардыхана Кинаятулы я пометил для себя, – сказал Шерага, перебирая бумаги в кабинете. – Вполне возможно, что и ты видел и читал его, однако не придал значения.

– Имя Зардыхана широко известно среди представителей интеллигенции, но я не знаю, о каком его материале Вы говорите.

– Не помню, то ли воспоминания, то ли интервью, – Шерага тщательно вытер стекла очков носовым платком. – Дело не в этом. Суть в его мысли. Послушай, что он говорит.

Шерага надел очки и стал читать вслух: «Это было в то время, когда меня избрали заместителем председателя Великого Народного Хурала Монголии, то есть Парламента. Проходил очередной съезд партии. Дежурный оратор в своем выступлении назвал первого секретаря Монгольской Народной Революционной партии Юмжагийн Цеденбала «нашим вождем». Чуть погодя Цеденбал, сидевший в президиуме слегка выше меня, дал мне в руки клочок бумаги. Я прочитал: «У нас только один вождь – Сухэ-Батор, пусть делегат извинится». Не зная, как поступить, я посоветовался с председателем Великого Хурала, сидевшим рядом. Он ответил, что делегату следует попросить прощения у Цеденбала, и этого хватит. Я довел это мнение до первого секретаря. Но он ответил, что делегат должен извиниться перед всем съездом. Однако к этому времени тот делегат уже сошел с трибуны. Делать нечего, во время перерыва я нашел его и объяснил требование руководителя партии. Так что тот делегат вновь вышел на трибуну, признал, что допустил ошибку, что у нас только один вождь – это Сухэ-Батор, и попросил прощения у всех делегатов съезда за то, что назвал Цеденбала вождем».

– Нет, я не читал про это, – сознался я.

– Знаю, поэтому специально читаю, чтобы ты запомнил, – с этими словами Шерага собрал лежавшие перед ним бумаги и положил в нижний ящик книжного шкафа, стоявшего у противоположной стены. – Вот каким должен быть руководитель! Эта скромность Цеденбала, который около сорока лет правил Монголией, должна стать примером для подражания для каждого нынешнего руководителя!.. И такому Цеденбалу советская власть позже устроила гонения, – вздохнул после небольшой паузы Шерага. – Порой не хочется ничего говорить, но сама история является свидетелем всему. Правда всегда будет открыта. Цеденбал серьезно взялся за решение проблем своего народа, даже достиг кое-каких успехов. И это

не понравилось родне его жены в Москве. Хитростью они выманили его к себе. И посадили под домашний арест. Оказавшись в заточении, он был сломлен морально. И жизнь его закончилась трагично.

Точно такие издевательства выпали на долю лидеров и нашего алаша. Перед тем как написать тома про Турара, я перерыл кучу документов в разных архивах и узнал много ужасных историй. Кое-какие из них я в сокращенном виде использовал в произведении. Но не нужно забывать, что эти книги были написаны и изданы в советское время. Эх, было бы тогда такое время, как сейчас! Драгоценные качества, присущие руководителям алаша, так близки шедеврам нашей устной литературы. Молодым начинающим писателям предстоит огромная работа по освещению их жизни и деятельности. До сих пор не утратила актуальности идея Турара Рыскулова «Тюркоязычные – будьте едины!». Вот что должно быть в памяти нынешних руководителей... Эх, кабы все мы руководствовались этой идеей!

КАЗАХИ – ВОЗДЕРЖАННЫЙ НАРОД

Где-то в середине двухтысячного года Шерага съездил в Алматы. Буквально следом в одной авторитетной газете было опубликовано большое интервью с ним. Как и всегда, он выложил горькую правду. Задел Правительство, раскритиковал недейственность и слабость Парламента. Очень остро высказался по вопросу о передаче земли в частную собственность.

«В свое время группа депутатов, среди которых был и я, выступила против частной собственности на землю, – говорил он. – Среди нас был и покойный Балгабек Кыдырбекулы. «Нельзя продавать землю! Продажа земли сродни продаже матери», – сказали мы. Правительство не переставало поднимать этот вопрос и впоследствии добилось ведь своего. Сейчас, насколько мне известно, уже принят Кодекс о земле.

Частная собственность означает, что какой-нибудь богач выкупит большой участок земли и огородит его. Такое можно уже видеть, поднявшись к склонам гор Алатау. Боже упаси, но со дня сотворения мира свободно лежавшая земля, зеркальные родники, дикорастущие яблони и другие деревья в мгновение ока превратились в чью-то собственность и оказались за оградой. Теперь по тем местам не то что скот, даже мышь не пробежит, змея не проползет. Подойдешь ближе – могут и пристрелить.

Раньше на берегу Жайыка была установлена граница, которую называли 20-верстной. То есть запрещалось приближаться к реке на расстояние менее 20 километров. Причем такой запрет был сделан специально для казахов. Как когда-то была сделана ограда вокруг церкви в парке имени 28 панфиловцев. Во времена русского царя казахам запрещалось приближаться сюда. Висели предупреждающие знаки: «Собакам и киргизам вход воспрещается». Не приведи господь, а вдруг наши земли попадут в руки людей с плохими намерениями? Вон, в Каскелене кришнаиты до сих пор продолжают скандалить. Уже подключили зарубежье.

Землю не то что продавать иностранцам, даже в аренду давать нельзя. Иначе подобные скандалы никогда не утихнут. В конечном счете пострадаем мы. Ведь есть такой пример в «Буранном полустанке» Чингиза Айтматова. Там рисуется случай на маленькой станции. Когда скончался старый Казангап, решили его похоронить на родовом кладбище. Но туда похоронную процессию не пустил новый хозяин, который купил ту землю. Может ли быть более страшная трагедия?! Боже нас упаси от такой участи!

У нас земли хватает. И чтобы она обрела настоящих хозяев, нужно увеличивать численность казахского населения.

Оказывается, за рубежом живут более четырех миллионов казахов. Если мы сможем сагитировать большую их часть переехать на землю предков, то заметно улучшили бы демографическую ситуацию. Ведь унижительно, когда на родной земле казахская нация является нацией меньшинства. Настала пора собирать единокровных братьев под одним шаныраком. Да, мы приняли закон о миграции. Но кто контролирует его выполнение? Мы слышим о том, что из тюрьмы освобожаются люди, которые проглотили небольшие бюджетные деньги, выделенные на эту работу. Есть случаи, когда возвратившихся на историческую родину казахов притесняют, говоря: «Кто вас звал сюда?» Издеваются, посылая пасти свиней тех, кто в жизни не видел такую тварь. Все это вынуждает некоторых казахов возвращаться туда, откуда они приехали. Нам известно о таком позорном явлении».

Шерага, вкратце вспомнив содержание интервью, прищурился и вздернул подбородок, будто хотел спросить: «Что скажешь?»

– Ваш дом в Жуалах стал неухоженным, – ответил я, потому что нужно было что-то сказать.

– И что я должен был сказать?

– Наверное, нельзя так пренебрежительно сравнивать дом в Талапты с курятником.

– Никакого пренебрежения. Я высказал мнение, сравнил его с жильем других. Ты же видишь особняки богачей в Алматы и Астане. По сравнению с ними мой дом в Талапты выглядит как пони рядом с аргамаками. Как курятник. Да простит меня Всевышний, но он выглядит курятником.

Шерага еще раз повторил данное сравнение и резко остановился, будто вспомнив что-то.

– Пусть это не выглядит богохульством, но в такие моменты на ум приходят всякие случаи из жизни, – сказал он. – Ты знаешь, что сказал Шамши, знаменитый композитор Шамши Калдаяков про жилье, когда был на приеме у Димеке?

– Нет, – слукавил я, хотя кое-что мне было известно.

– Если не знаешь, тогда слушай, – лицо Шерага потеплело. – Казахи – выдержанный, скромный народ. Как бы трудно ни приходилось, говорят, что такова судьба, что, видать, на роду так написано, довольствуются тем, что есть. Когда руководитель республики на месте решил некоторые проблемы Шамши и спросил, какие еще есть просьбы, Шаке ответил: «Других просьб нет, спасибо». «У него нет своего жилья», – не выдержав, вмешался в разговор человек, который организовал прием композитора у Димеке. «Почему нет? – искренне возразил Шамши, заикаясь. – У меня есть дом, нельзя говорить неправду». «Это не дом, где ты сейчас живешь, курятник, углем отапливается», – горячо стал настаивать тот человек. Так что не будем вероотступниками и врать, и дом есть, и квартира есть, зимой в Астане, летом в ауле живем. А то, что раньше сказал, в качестве примера привел. Дай бог долгих лет жизни!

В ГОСТИ СО СВОИМ КИЕМ

– Ой, что мне делать с вашим старшим братом? – сказала однажды Акбилек-женге. – Сейчас день и ночь думает только о бильярде. Впрочем, как он играет-то?

– Он всех нас обыгрывает, вот и судите, как играет.

– Не знаю, ведь он недавно проиграл Омеке.

– Е-е, такие проколы случаются и у ханских дочерей. Нужно изредка уступать соперникам, а то ведь никто больше не станет играть.

– Теперь все стало на свои места, – рассмеялась Акбилек, – вы чаще так поднимайте мне настроение. Спустя неделю после того проигрыша Омеке пригласил нас в гости. Мужчинам проще, переделались – и готовы идти в гости. Это мы, женщины, примеряем то один наряд, то другой, пока макияж и так далее, словом, возимся. Но Шерага беспрестанно торопил «давай, давай», и я, одевшись наспех, вышла в коридор. А там Шерага стоит в шубе и шапке, в руках держит кий. «Ой-бой, что это Вы придумали? – рассмеялась я. – Что, теперь принято в гости ходить со своим кием?» Но разве словами проймешь вашего старшего брата. «В чем проблема? Палка еды не просит, в машине полежит», – ответил он.

Позже при случае я спросил у Шерага:

– В тот раз, похоже, Акбилек пошутила.

– О чем это ты? – Шерага наморщил лоб.

– О том, что Вы в гости к Омеке поехали с кием в руках.

– Ой, вспомнишь тоже, – рассмеялся Шерага, – было дело. Привычка, выработанная частым с тобой посещением бильярдного клуба. А то зачем бы я в гости с кием ходил?! И все же я не подал виду твоей женге. Не оставил кий дома.

– И что, в дом Омеке вошли с кием?

– Нет, конечно, полежал в машине.

Нам доводилось слышать, что раньше мужчины в гости брали с собой карты. А теперь их заинтересовали другие виды спорта. Вот почему, думаю, Шерага в гости к своему современнику Омирбеку Байгелди с собой взял кий.

Однажды я заглянул к ним. Акбилек вне себя от злости. Шерага сидит на диване и поглаживает голову.

– Оу, что такого случилось, что вы рвете и мечете? – спросил я, по очереди посмотрев на них.

– Спроси вон у своего старшего брата! – ответила Акбилек. – Только на прошлой неделе купили ему новую бобровую шапку, а сегодня, гляжу...

– Подаренная! – поправил ее Шерага с дивана.

– Какая разница, что купленная, что подаренная, – не переставала сердиться Акбилек, – совершенно новая шапка. Вчера были в гостях, и он вместо нее надел чью-то старую шапку...

– А Вы куда смотрели? – возразил я ей.

– Ой-бай, в тот день меня мигрень замучила, и я не пошла в гости, – стала оправдываться Акбилек. – Кто знал, что так случится?

Я посмотрел на Шерага.

– Е-е, откуда мне знать, раздевал и одевал меня Аскар, – пробурчал он и направился в кабинет.

– Да, кстати, он же был вместе с ним, – всплеснула руками Акбилек, и когда мы закрывали двери кабинета, она уже кричала в телефонную трубку: «Алло, Аскар!...»

ПЯТЬ ПАЛЬЦЕВ – ПЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ

– В некоторых мусульманских странах за воровство, оказывается, человеку отрезают один палец, ты знаешь причину этого, Архари? – спросил Шерага, затевая новую тему.

– Наверное, это как предупреждение для других, чтобы они не становились на путь воровства.

– Возможно, действительно, это напоминание: «Хоть у тебя руки проворные, смотри, не воруй!», – сказал Шерага и задумался. А потом продолжил: – Но вот ты слышал, чтобы человеку отрубили два пальца подряд?.. Правильно, я тоже не слышал. Если только не всю руку.

Шерага перевел дух.

– Кстати, в руке ведь пять пальцев, – сказал он, сощурившись.

– Да.

– Видишь, где собака зарыта. Создатель дал нам на одну руку пять пальцев. Это твоя судьба. Пять пальцев – пять жизней. Большой палец – это ты сам, указательный – дети, средний – внуки, и так далее – правнуки, праправнуки. Но сколько бы долго ни жил человек, ему не дано увидеть свое пятое поколение. Вот почему пятое поколение у казахов называется «немене» – «что», – Шерага сжал кулак и вытянул вперед. – Вот если объединятся все пять поколений, то одолеют все преграды на пути, взойдут на самые высокие горы. Если один из них останется в стороне, то и достижений станет меньше. Так что отрезание пальца есть страшное наказание, направленное на нарушение преемственности и единства поколений. Это клеймо для семьи. Потомки человека без пальца будут жить с этим клеймом и позором.

Я хоть записал эту новеллу Шерага, но не спросил, где он прочитал ее или от кого слышал. Думаю, такие поучительные слова найдут своего адресата.

НЕЛЬЗЯ НЕ ДУМАТЬ

– Я побывал в Шымкенте, – Шерага за чаем вспомнил недельной давности поездку.

Зная, что он неспроста затрагивает ту или иную тему, я подумал, что же кроется за этими его словами. Шерага не заставил долго себя ждать.

– Точь-в-точь как наш дастархан, – сказал он и обвел взглядом различные яства на столе, – баурсаки и беляши, науат и конфеты – ничем не отличаются. Особенно ягоды и фрукты. Есть, что растут у нас самих, есть привозные. В какой дом ни зайдешь, всюду так. Значит, полнится, богатеет казахский дастархан! Архари, это же замечательно!

– Конечно, хорошо, – поддержал я Шерага, – положение в селе и городе выравнивается...

– Ты не уводи разговор в другую сторону, – Шерага поставил пустую пиалу на стол и чуть отодвинулся. – Где ты видишь, чтобы село и город выравнивались? Жизнь в ауле пока очень тяжелая, есть семьи, которые перебиваются с хлеба на воду. В ауле нет работы, а когда нет работы, тогда и денег нет. Поэтому сельчане потянулись в города. Говорят, что на базаре тачки будут катать, хоть какие-то деньги зарабатывать, чтобы содержать семьи. Но кто их ждет здесь – в городе? Кто их примет в объятия?.. Государство выбрало рыночную экономику. Следовательно, среди населения страны произойдет расслоение, кто-то станет богатым, кто-то – середняком, а кто-то обеднеет. Такое неравенство существует со времен Адама и Евы. Мы своими глазами видели социализм, жили при таком строе. Теперь вот выбрали капиталистический путь развития. Хотим равенства для людей. Но это несбыточная мечта. Особенно для казахов. Нам надо научиться вывести бедняков хотя бы на уровень середняков, и чтобы середняки становились богаче.

Давно когда-то мы, будучи в командировке на юге Казахстана, побывали в дальних Жетысайском, Мактааральском и Асыкатинском районах. Эти районы в одно время были переданы в состав Узбекистана, а позже благополучно

возвращены Казахстану. Положение жителей неплохое. Все как один трудятся на земле. Естественно, неплохо зарабатывают. А как выедешь из тех районов в сторону областного центра, картина меняется на глазах. Посеревшая земля, полуразрушенные скотопомещения, обшарпанные дома. Казахи не знают цену земле. Поэтому столько земли у нас остается «яловой». Не говорю о том, чтобы на ней зарабатывали и обогащались, многие ведь даже огород не могут толком использовать... Вообще-то я не о том хотел сказать. На этой теме мы, наверное уже оскомину набили. Пусть правительство читает и делает выводы из нашей с Камалом переписки, может, будет какой-нибудь толк. Там мы все разжевали, разложили по полкам.

Шерага сделал паузу, чтобы отдышаться, а затем продолжил.

– Я хотел сказать о другом. Все началось с дастархана. Не кажется ли тебе, что с увеличением яств на столе меньше становится национальных блюд? Магази́нная продукция заменила курт, масло, домашний сыр, жент. С виду они похожи, но вкус другой. Насчет схожести, ведь изменилась одежда на людях. Даже лица у людей другие стали. Сейчас мало кто знает, что раньше за покупками мы ездили в Ташкент. Там все в пестрой одежде ходили. Вот и у нас сейчас такая пестрота в одеждах, аж в глазах рябит. К тому же все суетятся, все спешат, толкают друг друга, словом, непонятная обстановка.

– Но ведь сейчас такое время, – возразил я.

– Время, говоришь? – Шерага поднялся с места и взял книгу с полки шкафа напротив. – Вот стихотворение-раздумье Шортанбая Канайулы «Скорбные времена». Он еще в прошлом веке говорил о глобализации, про которую вы только теперь пишете. Когда я был в Шымкенте, на память невольно пришло это стихотворение Шортанбая, и я по возвращении домой нашел его. Специально пометил. Похоже, что и немилосердный богач, и деньги, заменившие скот, меняют наш казахский облик. Мне даже их язык кажется другим.

– Перестаньте, ага, сгущать краски, – вновь возразил я, – наверное, мы не можем обижаться по поводу языка.

– Вот ты когда в последний раз был в Шымкенте? – гневно спросил Шерага

– Года два – три назад.

– Что заметил на улицах города?

– Ничего особенного.

– Ну, конечно, что вы можете заметить?! Вы моложе нас, поэтому кроме девушек и молодых женщин вы ничего не видите вокруг.

– Но мы уже наступаем Вам на пятки.

– Тогда почему не замечаешь? Тебе не показалось, что Шымкент становится похожим на узбекские города? На каждом шагу столовые и чайхана. Будто этого мало, всюду дымятся мангалы с шашлыком, казаны с пловом. А люди в тубетейках не дают прохода, предлагая свои блюда. И базар они оккупировали. Вот я и думаю: если будет так продолжаться, то через десяток лет города нашего юга чьими станут? В Алматы вон какая ситуация! Чиликская трагедия заставляет жить в напряжении южную столицу.

– И что мы должны делать?

– Увеличить численность казахов, Архари! Нас очень мало. Насколько обширна наша территория, настолько нас мало. За чей счет мы достигнем 20-миллионного уровня, о котором говорит Елбасы? Вот о чем должны подумать прежде всего. Все это я говорю потому, что есть опасность, о которой предупреждали предки...

Да, вопрос, который заставляет думать всех нас.

ШУТКИ КАЛЕКЕ В КАРМАНЕ

Мы с удовольствием уплетали ужин, попеременно нахваливая Акбилек-женге. Естественно, не могли не поговорить о литературе и литераторах.

– Вчера к нам на работу заглядывал Сейфолла Оспан, – сказала Жумакуль, посмотрев на Шерага. – Оставил «Шутки Калтая». Отпечатана в издательстве «Атамура». Там есть рассказы, которые он слышал от Вас.

– Интересно, что за рассказы, – встрепенулся Шерага.

– Все не помню, – задумалась Жумакуль, – по-моему, о том, как вы втроем с Камалом ходили в кафе.

– Ах, вон он о чем! Но эта байка уже набила оскомину, – Шерага тщательно вытер руки. – А там есть рассказ о том, как Калеке каждое новое жилье получал из рук первого руководителя? В его первой квартире, оказалось, прежде жил бывший первый секретарь компартии республики Юсупов. Вручая ключи от этой квартиры, Димеке сказал: «Надо думать, что человек номер один жил в неплохой квартире. Пусть она будет тебе в радость». Позже этот дом был снесен, а вместо него построили новое здание. И Калеке представилась счастливая возможность вновь выбрать новое жилье.

В этот раз ему предложили квартиру второго секретаря Центрального комитета партии Коркина. Конечно, и эта квартира была прекрасной. Похоже, даже лучше прежней. Калеке поблагодарил давнего друга, но от волнения даже стал заикаться. И тогда первый спросил: «Ты хочешь что-то сказать?» Обладающий искрометным юмором и умеющий вовремя найти нужные слова Калеке ответил вопросом на вопрос: «Неужели мой авторитет падает?» «Почему?» – удивился первый. «Ну как же! В прошлый раз меня поселили в дом первого секретаря, а теперь вот в дом второго», – рассмеялся Калеке. Знающий толк в казахском юморе первый тоже улыбнулся.

Калеке как-то пошутил над героем-партизаном Касымом Кайсеновым, – продолжил Шерага, попутно интересуясь, нет ли в книге этой истории. – Об этом я слышал от людей, которые были тому свидетелями. Сидя за дастарханом в доме Касеке, Калеке вдруг сказал: «Так этот человек не герой, а дезертир». Все вздрогнули от неожиданности. Касеке аж в лице изменился. «Дело в том, что он перед началом войны украл несовершеннолетнюю Асеке (супругу), чем грубо нарушил закон. Его за это должны были судить, поэтому он сбежал в Украину и спрятался среди партизан. Иначе бы он находился в рядах действующей армии, на переднем крае...» После этих слов все вздохнули с облегчением, а Касеке так вовсе рассмеялся.

На следующий день я взял у Жумакуль Солти книгу «Шутки Калтая». Действительно, в ней не оказалось последнего рассказа Шерага.

КОГДА «ПРАВИЛЬНО» НЕПРАВИЛЬНО

Про таких известных писателей как Сабен (Муканов) в народе распространилось много легенд. Конечно, с долей тонкого юмора и критики. Каждый рассказчик добавлял в небольшие новеллы что-то свое, так и рождались легенды. Но при этом подмечались некоторые детали или слова, которые характеризовали того или иного мастера пера. Например, если в рассказе произносилось слово «пәлі» (междометия «ох», «ах», «надо же»), люди знали, что речь идет об Ауэзове, а если звучало слово «дұрыс» («правильно»), то, безусловно, имелся в виду Муканов.

Про «правильно» Сабена Шерага рассказывал вот что:

– Однажды он вместе с супругой Мариям шел по улице, как навстречу попался Касым Кайсенов. Они тепло поздоровались, поболтали. «У нас хорошая новость, – сказал Касеке, – мы переехали в новый дом. Планируем новоселье, Вас обязательно пригласим». «Правильно», – ответил Сабен. «На Украину съездил. Они взяли на себя расходы на дорогу и путевку в санаторий, даже сделали небольшой подарок», – похвастался старый партизан. «Правильно», – вновь ответил Сабен. «Только есть одно “но”, – огорченно сказал Касеке, – тамошние врачи обследовали мой глаз. Сказали, что будет плохо, если воспалится. Поэтому удалили этот глаз». «Правильно», – привычно откликнулся Сабен. Касеке замер от неожиданности, а затем, стрельнув здоровым глазом, повернулся и ушел. «Что это с ним? – спросил Сабен у жены, дергая ее за рукав. – Не попрощался по-человечески, взял и ушел». «А как ему еще поступить?! – уже не сдерживая смеха, сказала Мариям-женгей. – Он, бедный, жалуется, что ему один глаз удалили, а ты вместо того, чтобы утешить, говоришь – “правильно”». «Апыр-ау, я так сказал?» – удивился Сабен. «Да, так и сказал – “правильно”». «Неудобно получилось, надо бы извиниться», – засуетился Сабен и, придя домой, позвонил Касыму.

Шерага, подражая голосу и манере разговаривать Сабена, сказал:

– «Эй, Касым, когда мы встретились, на все твои слова, оказывается, я говорил “правильно”. Так вот, последнее «правильно» неправильно. Не обижайся, дорогой. На одну голову и одного глаза хватит. Будь здоров!..» Услышав эти слова, Мариям женгей расхохоталась.

...Однажды, работая в кабинете, я услышал громкий голос: «Кто такой Дуйсенбек?» – и вышел в коридор. Шагая вразвалку, в мою сторону грозно шел человек. Я сразу узнал – сам Кайсенов!

– Это я, ага, – поздоровался с ним и пригласил в кабинет.

– Я спешу, – сказал Касеке, стоя, – просто хочу спросить – где вы нашли этого Кожамсеитова? В газетах публикуют его слова о том, будто бы он заранее знал о крушении самолета в Америке, о землетрясении в Японии, будто бы он заранее предупреждал соответствующие органы об этих трагедиях. Что, он провидец?

Я понял, о чем идет речь. Накануне в нашей газете был опубликован материал «Что говорит Назарбек?» под рубрикой «Устами звездочета». Этот человек давал прогноз погоды на предстоящее время, а заодно остановился на разного рода природных катаклизмах.

– Мы же с учетом пожеланий читателей, – начал было объяснять я, как Касеке перебил меня:

– Эй, дорогой, я тоже читатель.

Уже в дверях он обернулся и сказал:

– Он мне доводится зятем. Поэтому знаю, что он представляет из себя. Будьте осторожны! Не попадите впросак! Если бы он говорил правильные вещи... А то...

После этого ко всем словам звездочета мы стали относиться особенно критично.

КТО ВАЖНЕЙ?

По божьей воле мы с Шерага в Астане оказались соседями. Нам выделили квартиры в двух высоких 16-этажных желтых домах, прозванных «кукурузами». Они стоят вплотную друг к другу, между ними расстояние всего каких-то пять – шесть метров. Две машины не могут разминуться, одна должна пропустить другую, чтобы проехать. И двор один, обнесенный металлическим забором.

Кстати, градоначальники позаботились о том, чтобы жители и гости двух домов-близнецов не перепутали их, поэтому, находясь в пяти – шести метрах друг от друга, они располагаются на двух разных улицах. Один – на улице Бараева, другой – на Ташенова. Шерага жил на втором этаже в доме по Бараева, а мы – на девятом этаже в доме по Ташенова.

– Действительно, эти два дома очень похожи на кукурузные початки, – сказал однажды Шерага, стоя между ними. – Но почему они на разных улицах?

– Наверное, в зависимости от высоты, – схитрил я, не зная, что ответить.

– Получается, что сейчас улицы стремятся к небу? – сказал Шерага, подражая наивным людям.

– А что тут такого? – сказал я и вытянул вперед обе руки, растопырив пальцы. – На каждом этаже расположено по пять – шесть квартир, следовательно, в одном доме проживает около 150 семей. Это же ведь жители целой улицы.

– Перестань иронизировать, – прервал меня Шерага. – Если не знаешь, так и скажи – не знаю, неспроста же твои родители называли тебя Адил – справедливый, так будь справедливым до конца.

– Может быть, – задумался я. – Ваш дом расположен на улице Бараева?

– А ваш?

– Тоже. Однако улица называется Ташенова.

– Как же так?

– На той стороне коротенькой улицы за перекрестком есть два – три дома, которые относятся к улице Ташенова, может, наш дом находится на продолжении той улицы?

– Вот видишь, – голос Шерага стал жестким и требовательным, – когда речь идет о Бараеве, мы готовы на все, а когда дело касается Ташенова, то мы становимся скупыми. Одному мы отдаем проспект в центре столицы, а другому коротенькую улицу из нескольких лоскутков. Кто такой Бараев, а кто такой Ташенов? Конечно, нельзя отрицать труды ученого. Но нельзя же его сравнивать с Жумабеком! Ведь независимость к нам пришла благодаря беспримерной смелости таких людей как Ташенов. В середине пятидесятых Москва подготовила решение о передаче северных областей Казахстана России, а южных областей – Узбекистану. Он один из тех редких смельчаков, которые категорически выступили против такого решения центра.

– Знаю, знаю, – сказал я, чтобы успокоить Шерага. – Знаю даже то, что он сказал Хрущеву.

– Тоже мне знаток! – Шерага потер лоб, будто вспоминая что-то. – Если такой мозговитый, то скажи, что ты знаешь об истории касательно судьбы казахских газет, в том числе и «Егемен Қазақстан», где ты трудишься всю жизнь?

– Историю газеты знаю.

– Я в отношении к Ташенову спрашиваю.

– Так он много помогал газете, когда работал председателем Верховного Совета, председателем Правительства.

– Я не про это, – Шерага вновь рассердился. – У нас всегда так, мы быстро забываем некоторые важные вопросы. Если ты знаешь историю газеты, то должен быть в курсе того, что однажды все казахские газеты оказались на грани закрытия, а твоя главная едва не превратилась в переводной аналог. И только вмешательство Жумабека Ташенова спасло казахские издания. Когда на бюро рассматривался этот вопрос, Жумеке потребовал от тогдашнего главного редактора газеты «Қазақ әдебиеті» Сырбая Мауленова: «Что ты робеешь, говори смелее!»

– Я об этом не знал.

– Знай теперь! На том заседании бюро Центрального комитета один из руководителей твоего «Егемена» заявил, что нужно «Қазақ әдебиеті» передать в «Қазправду» и сделать ее переводной газетой. Я был бы счастлив быть заместителем редактора такого издания, воскликнул он тогда.

Не зная, что сказать на это, я стал гладить голову.

– И только Ташенов вновь дал отпор! – Шерага поднял вверх указательный палец. – «Эй, имярек, – вскочил он с места, – не ты открывал газету, не тебе ее закрывать, знай свое место и не угодничай!» Все эти события только теперь становятся известными. Однако еще не вся правда сказана. Если вспоминать его помощь и поддержку отдельным людям, то можно на целую книгу материала набрать. Кстати, о книге, ты, наверное, не слышал, какую помощь он оказал работникам искусства и культуры в бытность заместителем председателя Южно-Казахстанского облисполкома. Люди об этом рассказывают, как о легенде. Говорят, что ни один вопрос ни одного посетителя, побывавшего у него на приеме, не остался без решения. Любой вопрос он брал на личный контроль и следил за его решением до последней точки. Свидетелем такой дотошности бы и наш Ареке – Аргынбай Бекбосынов, когда работал корреспондентом республиканского радио по южному краю. Он тебе не рассказывал?

– Нет, – ответил я, хотя из уст Ареке слышал, что он получил квартиру благодаря помощи Жумабека Ташенова.

Шерага с сомнением посмотрел на меня.

– Все, что я рассказывал, может показаться незначительным по сравнению с тем, что он открыто выступил против принципа центрального руководства «разделяй и властвуй». Не побоялся дать отпор московским правителям, – сказал Шерага. – И как было бы замечательно, если бы мы оказали почести таким деятелям, которые ради интересов собственного народа рисковали не только высокими должностями, но и жизнями. Будь моя воля, я бы именем Ташенова назвал не только улицу или проспект, а целый город.

Вы, как всегда, правы, Шерага.

ПРОПУСТИТЬ ЗАМЕЧАНИЕ

Мы стояли перед входом в редакцию газеты «Егемен Қазақстан». Нас четверо: Шерага, я, Мырзабай Кенбейил, который недавно перевелся в эту редакцию переводчиком, и ученый, доктор наук Бораш Кенжебеков. Шерага по обыкновению рассказывал смешные истории.

– Мырзабай, ты прежде был чуть выше среднего роста, а теперь стал меньше, что с тобой случилось? – пошутил он над Кенбейилом, который младше Шерага лет на пять – шесть. Затем повернулся к Борашу: – А с тобой что случилось? – спросил Шерага, крепко сжав тому руку (Кенжебеков сморщился от боли и стал ее потирать). – Тяжело далась защита докторской, совсем исхудал, что, Жумакуль не кормит тебя как следует?

Мырзеке отделался молчанием, зато Бораш затараторил:

– Ой, Шерага, сейчас Вашу младшую сестру вижу только раз в неделю, по воскресеньям. Она день и ночь работает. Времени нет, чтобы приготовить еду.

– Хочешь сказать, что вы дома не едите?

– Почему? Едим, – ответил Бораш и заулыбался, полагая, что опять не то сказал.

...Так, шутя, мы не заметили, как к нам подошел руководитель газеты Сауытбек. Он шел пешком. Шерага по привычке не упустил такого момента, чтобы пошутить:

– Вот что значит демократия, начальники стали пешком ходить.

Однако Сауытбек не ответил на шутку. Он молча поздоровался с нами за руки и вошел в здание.

Шерага изменился в лице и, взяв меня под руки, сказал:

– Пойдем отсюда, как говорится, подобру-поздорову.

Те двое будто ждали этого и быстро удалились от нас.

– Что это с ним, а? – спросил Шерага, садясь в машину. – И рта не открыл, как обиженный человек. Мог же спросить, как дела. Или ему жалко свой бильярдный стол, на котором мы время от времени играем? Или он вспомнил, что я недавно написал про Камала? Я тогда написал: «Когда этот мир покидают ровесники, современники, становишься похожим на заблудившегося гуся, кричащего в степи в поиске друзей». Тогда Сауытбек сказал: «Ага, Вы не говорите, что остались один, не унывайте». Я промолчал. Через время я написал о Туткабае Иманбекове. И вновь, оказывается, написал, что чувствую, будто остался один, как заблудившийся человек. То есть оставил без внимания предупреждение президента. Похоже, он обиделся на это. Но ведь газета в его же руках. Мог ведь отредактировать. Не пойму.

«Может, он не на Вас, а на меня обижен», – подумал я, вспомнив недавний случай. Но не смог сказать об этом открыто. Мы оба замолчали.

Вернувшись домой, я вновь перечитал тот материал, опубликованный в «Егемене». «Судя по тому, что оставил без внимания предупреждение президента газеты, похоже, меня стали покидать память и сознание. Поэтому не могу различить, какие чувства порой накатывают на меня. Время такое, то лицом к тебе повернется, то спиной», – подытожил свои мысли Шерага. И я долго думал, почему он так написал.

АЛДАН, ВЫШЕДШИЙ НАВСТРЕЧУ

Близкого по духу младшего коллегу Нурторе Жусипа назначили главным редактором газеты «Астана хабары». И мы с Шерага зашли поздравить его с назначением. В коридоре встретился известный Алдан Смайыл. Накануне его кандидатура прошла отборочный конкурс на присуждение Государственной премии. Такого почета вместе с ним удостоились еще несколько поэтов и писателей.

Но есть не только отбор, но и присуждение самой премии. Впереди большое испытание. Члены комиссии по присуждению Государственной премии тайным голосованием выберут из десяти литераторов, прошедших в последний тур, самых достойных двоих – троих.

Шерага входил в состав той комиссии. Надо заметить, что Алдан не стал заискивать перед ним, а спокойно поздоровался с нами, как всегда держась достойно.

– Ау, ты что тут делаешь? – спросил Шерага, тряся его руку.

– Филиал сюда перевели, – ответил Алдан и жестом пригласил посмотреть.

– Омеке (он говорил про Шукеева) в бытность акимом обещал построить для писателей хороший дом. Теперь не знаем, что будет, ведь его перевели на другую работу.

– Может, он передал это дело новому акиму, – сказал Шерага, когда мы вошли внутрь. – Комнаты большие, разве что само здание старое. Даже секретарша есть, значит, положение у вас неплохое.

– Зарплату я сам плачу, – откликнулся на это руководитель филиала, приняв шутку Шерага за правду. – Есть рукописи, документы поэтов и писателей, без секретарши как без рук.

– Сейчас в Астане сколько членов Союза? – вдруг спросил Шерага.

– Почти семьдесят.

– Ау, нас здесь немало собралось уже.

– Среди нас немало известных, – сказал Алдан, – вот хотим всех собрать, поговориться, что будем делать.

– Тогда можно решить вопрос о том, чтобы просить для филиала новое здание.

– Конечно, – загорелся Алдан, – я бы подготовил проект письма наверх.

– Значит, договорились, – Шерага поднялся с места. – Давай на следующей неделе встретимся, тогда и обсудим подробно.

Сидя в машине, я подивился тому, что ни Шерага, ни Алдан ни слова не проронили о Государственной премии. То, что Шерага промолчал, можно понять. Меня поразило другое: почему Алдан не попросил: «Шерага, Вы входите в состав комиссии, может, замолвите за меня слово». Эта мысль не давала покоя, и я, наконец, не выдержал:

– Как думаете, книга Алдана может получить премию?

– Сам как думаешь? – вопросом на вопрос ответил Шерага.

– Мне книга понравилась. Свежие мысли, да и язык сочный.

– Хорошо, что понравилась, – заметил Шерага и стал под нос напевать какую-то мелодию.

Алдану Смайылу была присуждена Государственная премия за роман «Тамұқтан келген адам» («Человек из преисподней»). Одно издание написало, что члены комиссии единогласно проголосовали за него. Важно, что и мой Шерага поддержал это решение, потому что он всегда на стороне правды и справедливости. В этом случае правда в том, что роман Алдана действительно достоин был Государственной премии. Хорошее произведение всегда найдет дорогу к читателю без рекламы и навязывания со стороны определенных кругов.

ПРЕКРАСНЫЙ КУМЫС САРЫАРКИ!

Мы отдыхали в санатории «Жайлау». Весна уже вошла в силу, и природа бродила вешними соками. Люди, пьющие кумыс за круглыми столами, ожерельем установленными на открытой полянке, наслаждались теплом и благоуханием цветов.

После пару кесе отменного кумыса у Шерага на лбу выступила испарина. Он зажмурился от яркого солнца, с наслаждением вдохнул свежий весенний воздух.

– Одно из богатств, которые прославили Арку, есть такой медовый кумыс, – сказал он, вытянув руку в сторону степи. – Э-эх, в старину люди знали все полезные свойства этого напитка. С нашего юга в такое благословенное время люди специально приезжали, чтобы отведать аркинский кумыс. Здесь проводились большие торжества, сопровождавшиеся состязаниями айтыскеров, конными скачками. Степь гудела от наплыва людей. Тогда не было алкоголя, как сейчас. Пили кумыс. Свежее мясо, чистый воздух. По словам старших товарищей, которые застали те замечательные годы, весной даже воздух Сарыарки наполнялся ароматом пенящегося кумыса. Сейчас мы дышим только остатками того воздуха. Нужно довольствоваться и этим.

Шерага говорил правильные слова, поэтому я кивал головой, соглашаясь с ним.

– А ты почему молчишь? – неожиданно спросил он. – Поднимите этот вопрос. Улицы Астаны заполнены пивбарами. Почему вместо них не открыть кумысхану?

– Так писали ведь, – ответил я, имея в виду недавние материалы, опубликованные в «Егемен Қазақстан».

– Этого мало, – заметил Шерага, – Надо писать глубоко, так, чтобы Правительство обратило внимание. Вы поставьте вопрос так, чтобы акимы Астаны и Акмолинской области вздрогнули. Тогда посмотрим, как они смогут увильнуть от решения проблемы. Напишите, пусть они возьмут пример с Умбетова. Ведь Серик решил вопрос с обеспечением Алматинской и Жамбылской областей кумысом. Население до сих пор благодарит его за это.

– Для этого нужно быть инициативным, как Серик, – ответил я, вспомнив слова друга Дулата: «Э-эх, назначить бы Имангали в каждую область акимом на два – три года!» – Но кто хочет выпить кумыс, в Астане его немало, – сказал я и рассказал о мнении Исабекова о Тасмагамбетове.

– Он точно подметил! – довольно кивнул головой Шерага. – Но это невозможно, чтобы одного человека назначать акимом во все области по очереди. Просто нужно больше таких акимов как Имангали и Серик, Бердибек и Кырымбек. Тогда сбылись бы наши мечты, и народ зажил бы в достатке и радости.

Не знаю, дошли ли эти слова до Аллаха, но спустя несколько лет Тасмагамбетов стал акимом Астаны. Хоть он не завалил город кумысом и шубатом, однако столица стала день ото дня меняться в лучшую сторону. Экономика начала крепнуть, культура расцветать. Самое главное, что в столице выросло число интеллигентных и авторитетных людей, таких как Шерага. Количество писателей перевалило за сто человек, хотя здесь работал только филиал Союза писателей. Его работу возглавлял поэт Айтулы (Несипбек Айт – лауреат Государственной премии). Бог даст, недалек тот день, когда сюда переедет весь Союз.

* * *

...Жизнь не стоит на одном месте. Мир меняется каждый день. Не успели астанчане нарадоваться, что у них появился настоящий градоначальник в лице Тасмагамбетова, как вдруг он стал министром обороны Казахстана. Думается, военные не нарадуются своему министру и ликуют. А каково астанчанам?

Вот последний анекдот в ответ на этот вопрос. Прошлой зимой Астану накрыл снег. Да так, что один горожанин не смог зайти проведать свата на другой стороне улицы. И он в сердцах сказал: «Э-эх, если бы Имангали на зиму назначали акимом столицы, а летом министром обороны!»

ГАЗЕТА КАЛИ

– Ты читаешь газету Кали?

– Какого Кали? – переспросил я, желая узнать реакцию Шерага. Ему, естественно, это не понравилось. – Вы имеете в виду «Алматы ақшамы»? Конечно, читаю, в первую очередь! Она поступает к нам в офис. Иногда беру домой. Это одно из редких казахских изданий, печатающих читабельные материалы.

Лицо Шерага посветлело, морщины разгладились.

– Мой первый материал о Вас напечатал именно Кали, – сказал я, увидев перемены в настроении собеседника.

– В какой газете?

– «Жас Алаше». В то время он там был заместителем главного редактора.

– Вон оно как!

Да, именно так. Я с этим серьезным молодым человеком познакомился и сдружился, работая в «Социалистік Қазақстан». Вначале он работал в корбюро, а затем

в секретариате. Вникал в любую деталь, чтобы выполнить порученное дело. Но его коньком были культура и искусство. Именно Шерага помог раскрыться его журналистскому таланту, поручая ему писать статьи на ранее не освещавшиеся темы. Едва он набрался опыта, как его повысили, назначив заместителем главного редактора газеты «Жас Алаш». Позже Имангали Тасмагамбетов, когда работал акимом города Алматы, пригласил его возглавить вечернюю городскую газету. Тасмагамбетов – мудрый человек, знал, кому доверить руководящую должность. Теперь Кали вырос в маститого публициста и писателя. Деловой руководитель, умелый организатор.

В середине двухтысячных годов по заданию Шерага Кали написал обширную статью «Сембин», как говорил Шерага, «это не столько статья, сколько эссе, оплакивающее особо выдающийся талант». Кали писал про печальную судьбу известного певца Амангельды Сембина, который ярко сверкнул на сцене неповторимым талантом, но потом стал жертвой завистников, которые извели его сплетнями, клеветой. Автор напомнил, что за рубежом есть закон, защищающий талантливых людей, и предложил сохранить для будущих потомков голос Сембина, ведь, похоже, до сих пор никто не занимается сбором наследия Амангельды, имя которого вновь воскресло благодаря настойчивости Шерага.

Кали спустя десять лет снова вернулся к этой теме. Он так писал в газете: «Что теперь делать? Мы и раньше писали, говорили, и вновь повторяем. Когда вспоминаем Сембина, душа волнуется, словно морской прилив и отлив. Можно много чего сказать, однако существует внутренний тормоз, который не дает выплеснуться всем накопившимся чувствам. Мы Сембина уже теряли на многие годы. Теперь мы не имеем права вновь потерять его. Пора, наконец, дать справедливую оценку его творчеству, силе его певческого таланта. Специалисты должны проанализировать его необычайный дар и мастерство, открыть специальный класс. Надо разыскать все сохранившиеся записи на радио и телевидении, подготовить специальные концерты, художественные передачи, составить фильм-концерт, чтобы сохранить потомкам и донести до современников этот редкий голос. Больше того, особенности его голоса и творчества должны стать темой для специальных научно-теоретических конференций. Будет правильным собрать публикации о нем, о его творчестве и издать отдельную книгу. Таким образом пополнится духовный капитал общества».

«ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ» В ПРИМЕР

Однажды мы собрались в кабинете у известного руководителя и обсуждали квартальный план работы. Неожиданно зазвенел один из нескольких телефонов на столе.

– «Кремлевка», – сказал один знаток.

Начальник степенно поднялся с места, прошел к телефону и важно поднял трубку. И тут же вытянулся в струнку, торопливо выговаривая «я Вас слушаю» и назвал имя-отчество бывшего первого руководителя республики. Мы разом умолкли и стали напряженно вслушиваться, переглядываясь...

Позже я рассказал об этом случае Шерага, но он, похоже, не придал особого значения моим словам. Спустя некоторое время он спросил:

– Ты читал «Тысячу и одну ночь»?

– Да, даже несколько раз перечитывал.

– Первоначальный вариант?

– И первоначальный, и последующие.

– Прекрасно переведены, да? Оба варианта, – я понял, что Шерага говорит о переводах Калмакана Абдикадырова и Қалтая Мухамеджанова.

– Замечательно!..

– Какие в те времена были цари, а?! – зажмурился Шерага. – Облачались в простые одежды, ходили по городу, расспрашивая жителей, что они думают о правителе. Э-эх, сейчас бы так поступали начальники! А ты говоришь про телефонный разговор...

И только тут до меня дошло, почему Шерага привел в пример «Тысячу и одну ночь».

«ХОЧУ БЫТЬ РЕБЕНКОМ»

Мы сидели и беседовали, как по радио зазвучала песня «Сэби болғым келеді» («Хочу быть младенцем»), написанная на слова Мукагали. Мы невольно замолчали. Признаться, эту песню слышали не раз, но она завораживает своей мелодичностью и прекрасными словами. Обычно в таких случаях Шерага некоторое время сидит с закрытыми глазами и думает о чем-то своем. Но в этот раз он, не дожидаясь окончания песни, подпел припев:

– Хочу быть ребенком...

Я удивленно посмотрел на него.

– Я не помню себя, когда ползал, – сказал он, – соскучился по своему детству, хотя оно не было сладким. Вот почему слово «младенец» заменил на «ребенок». А ты понимаешь, что когда речь идет о ребенке, рядом стоит понятие мать. Мне кажется, что о них нельзя говорить по отдельности. Ребенок и мать – это тема, которую мы должны воспевать всю жизнь.

– Да, вы эту тему всесторонне раскрыли в автобиографическом романе «Ай мен Айша».

– Откуда?! – в хриловатом голосе прозвучали нотки грусти. – Это как капля в море. За эту тему нужно было взяться раньше. Тогда можно было бы поглубже раскрыть ее. Чего стоит один только тридцать второй год? Год моего рождения? Из родившихся в тот год выжили лишь немногие. Всех выкосили голод и оспа. Я в живых остался благодаря матери. Во время беременности мной она вдруг захотела вяленого мяса. Но откуда его взять? Вот она и стала жевать горький жуа (дикий чеснок, давший название району – Жуалынский). Но разве это еда? Давилась, плевалась, но ела. Я уже в утробе матери познал вкус горечи, вот почему я выжил. А так умерли трое братьев, родившихся до меня.

В том, что я остался жив, есть еще одна причина, – продолжал рассказывать Шерага. – Дело в том, что мой бесік (люлька) был сделан из арчи. Эти деревья, обладающие целебными свойствами, растут в нашем Аксу-Жабағылы. Видать, Богу было угодно, чтобы они защищали людей, особенно младенцев, от оспы. Потому что к изделиям, изготовленным из арчи, не приближаются насекомые, а сама древесина очищает воздух и убивает микробы. Знает ли об этих качествах арчи нынешняя молодежь? Что там молодежь, если об этом уже забывает старшее поколение.

Нас всего около десяти миллионов казахов. И то, если прибавить тех, кого судьба раскидала по миру. А земли у нас бескрайние. Чтобы удержать эту землю, нужно расти численно. Но что нужно сделать, чтобы вырасти численно? Конечно, создавать условия для матери и ребенка. Правительство, как и прежде, хорошо знает, сколько ягнят получаем от ста овец. Однако не уделяет внимания тому, в каких условиях рождаются дети, какая поддержка оказывается роженицам. На эти

вопросы смотрит так, будто их решение есть дело семьи. Нас еще постигла такая напасть, как усыновление детей за рубеж. Все это большое горе.

Сейчас наряду с мальчиками-сиротами и девочки едут за границу. Говорят, что на учебу. Ой, не знаю. Кто знает, сколько из них вернулось в Казахстан?..

– Туу, Шерага, что Вы так расстроились из-за нескольких слов из песни?!

– Ты не понял, что я имел в виду, – ответил Шерага. – Не зря наши предки говорили: «Мы предупреждаем, потому что видим опасность».

«Хочу быть ребенком...» – стал напевать он себе под нос...

ДЕЛИКАТНОСТЬ В ВОСПИТАНИИ ДЕВУШКИ

Беседа с Шерага, мы изредка говорили о девушках и женщинах. Нас больше волновали вопросы воспитания. Вот что однажды сказал Шерага:

– Когда речь заходит о девушках, наверное, нет человека, который не вострепнулся бы. Казахи порой шутят: «Кто не сватает девушку, кто не пьет кумыс». И все же в нашем народе веками сформировалось особенное отношение к девушке. Любовь и уважение всегда были отличительной чертой характера казахов. И эти качества передаются из поколения в поколение. Роль девушки в будущей жизни определялась такими социальными посылами, как «девушка – богатство семьи», «девушка – лицо аула», «девушка создает имя мужчины», «девушка препятствует спорам». Поэтому воспитанию девочек придавалось особое значение. Сызмальства их опекали, не давали в обиду, но в то же время приучали быть духовно чистыми, коммуникабельными, создавали условия для того, чтобы они росли смелыми и были верными своим словам. Так в казахских семьях формировались верные жены, благородные матери, почтенные бабушки.

Со временем такое воспитание девочек в казахских семьях стало национальным достоянием, которое гармонично сплелось с исламом. Обращаясь с молитвами к Создателю, наш народ никогда не забывал хадисы Пророка Мухаммеда (пусть будет благословенно его имя), в которых он говорил: «Я буду в раю вместе с тем человеком, который вырастил, воспитал и довел до совершеннолетия двух – трех дочерей». Но эти веками сложившиеся традиции, в которых законы шариата тесно сплелись со степной педагогикой, в последние годы стали нарушаться, что, естественно, болью отдается в наших сердцах.

Сколько бы ни жил человек, воспитание детей является делом всей его жизни. Нет человека, который желал бы, чтобы его дети выросли плохими людьми. Поэтому все стараются воспитать детей достойными гражданами. Но дети, как пальцы одной руки, разные. Так и дети одной семьи вырастают разными. И все же они благодаря родительскому воспитанию за редким исключением вырастают благородными людьми.

Да, казахи считали детей смыслом жизни. Считали, что если родится сын – продолжит род, если родится дочь – расширится круг новых родственников. Поэтому самое лучшее давали детям, ради них жертвовали собой. Воспитывали сыновей смелыми и решительными, а дочерей нежными и непорочными.

Всем все ясно. Однако все ли мы придерживаемся этих правил в повседневной жизни? Сомневаюсь. Мы не придаем особого значения, что в воспитании сыновей и дочерей есть разница. Порой мне кажется, что родители на своих детей смотрят так, будто они все еще маленькие.

Прежде мамы и бабушки исполняли бесікжыры – колыбельную. В казахском варианте она носила воспитательно-прикладной характер, поскольку в ней речь шла о том, какой должна быть девочка, какой покладистой и умной должна она

вырасти, чтобы стать хозяйкой в доме, и так далее. Так что и девочки, и мальчики с младенчества слушали песни, из которых они черпали мудрость и знания. Но один мой ровесник засомневался, что сейчас бесікжыры играет значимую роль в воспитании детей. Он согласен, что колыбельная песня нужна, но разделяет мнение нашего знаменитого батыра Бауыржана о том, что сейчас мамы и бабушки все меньше поют бесікжыры и рассказывают сказки.

Впрочем, нельзя не согласиться с его доводами. Детство, отрочество людей моего поколения и тех, кто чуть старше, пришлось на трудные военные и послевоенные годы. Но несмотря ни на какие трудности, мы создавали семьи, воспитывали детей. Конечно, не сказать, что были совсем раздеты и голодны, однако трудностей нахлебались. Детей сразу же устраивали в садики (естественно, с русским языком воспитания), затем в школу (в основном русскую либо смешанную). Так в беготне и суете не заметили, как выросли и повзрослели наши дети. Вот и думаю, что нынешние перекосы в воспитании есть следствие советского образа жизни. Мы считали, что у мужчин и женщин равные права, мальчиков и девочек отдавали в один детский сад, затем в одну школу; они переодевались в одной комнате, спали на соседних кроватях, занимались физкультурой в одном зале, даже купались в одном бассейне. В итоге вырастили поколения молодых людей, когда девушку не отличишь от юноши, а парня от девушки. Здесь я имею в виду схожесть в их характерах. Мало мужественных парней, мало женственных девушек. И сколько бы мы ни говорили, что основное воспитание дети получают в семье, не можем отрицать, что и окружение в значительной мере влияет на воспитание. А оно было советским и большей частью остается таковым. Нам следует побыстрее избавиться от советского наследия в вопросах воспитания подрастающего поколения.

Да, сейчас другое время. Мы стали суверенным государством. С обретением независимости дети стали учиться в казахских школах. Да, мальчики и девочки учатся вместе, но все же в национальных школах они получают воспитание на основе народной педагогики, им прививают такие качества, как духовность, милосердие. И здесь хочется сказать о том, что нужно укреплять связи школы с родителями. В частности, необходимо организовывать встречи с примерными семьями, проводить диспуты о воспитании детей. Во многих семьях родители до сих пор не могут переступить через себя и поделиться с детьми своими секретами. Надо работать с такими родителями. Следует особое внимание уделять воспитанию девочек, рассказывать, что они будущие матери, что на них будет держаться семейный очаг.

Если такую работу наладим в гимназиях и специальных учебных заведениях, мы только выиграем. Потому что именно в этом возрасте девочки бывают доверчивыми и могут наделать глупостей. Известно, например, что общественный деятель Шамша Беркимбаева в годы руководства Женским педагогическим институтом в свободное от работы время собирала студенток и проводила с ними беседы на самые сокровенные женские темы. Это порадовало. Вот если бы каждый педагог, руководитель, родитель, в целом все мы проявили такую же активность, то число таких почитаемых женщин как Баба-аже, Домалак-ана, Айша-биби стало бы намного больше.

Все качества человек приобретает с молоком матери. Такие понятия как совесть, честь, благородство и другие прививаются в основном в семье. Вот почему мы должны обратить внимание на проблемы семьи.

Хочу добавить к сказанному, что я написал статью под рубрикой «Зеркало человечности», взяв за основу этот рассказ Шерага. За тот материал я получил благодарность.

ДАЛЬНОВИДНОСТЬ

Когда увидел в списках новых сенаторов имя председателя Союза писателей Казахстана Нурлана Оразалина, мне вспомнились слова Шерага о нем, сказанные однажды. И я неожиданно для себя произнес вслух: «Какая дальновидность!» «Вот увидишь, этот молодой человек покорит немало вершин, – сказал Шерага, по достоинству оценив один поступок Нурлана. – Он и депутатом будет, и лауреатом станет».

Говоря так, Шерага будто в воду глядел. Нурлан избирался депутатом Мажилиса, стал лауреатом Государственной премии. Теперь вот и сенатором стал. Кстати, когда Шерага из «Социалистический Казахстан» перевелся на должность председателя Казтелерадиокомитета, вместо себя на место главного редактора предложил Оразалина. Наш разговор о нем состоялся именно тогда.

– Мы должны быть благодарны Нурлану за то, что он крепко держит в руках такую большую организацию, у истоков которой прежде стояли Сакен, Ильяс, Баимбет, а затем продолжили Мухтар, Сабит, Габит, Габиден, – сказал позже Шерага. – Мы видим, что делается у соседей. Там все предоставлено самим себе. Вместо того чтобы поднять авторитет писателя, они разделились на группировки, которые считают правыми только себя. И все говорят, что хотят выйти из кризиса. Наш председатель не только сохранил Союз писателей, но и старается укрепить его. Об этом говорят сами писатели на ежегодном собрании по подведению итогов в сфере литературы. Среди всего прочего я бы особо выделил два момента: то, что он отстоял здание Союза писателей и Дом литераторов в Алматы, которые чуть было не перешли в частные руки. И еще то, что литературные издания остались под крылом Союза писателей. Радует также то, что растет число произведений, выпускаемых за счет государственного заказа. Здесь уместно сказать о гонораре литераторов. Оразалин прилагает много усилий, чтобы решить и этот вопрос. Мы знаем, что он делал об этом депутатский запрос в Правительство. А ведь все это делается для блага нас с тобой, всех писателей страны.

Я горжусь, что имел честь работать вместе с такими людьми.

ПОТОМКИ СИНЕГО ВОЛКА

– Раньше, когда я еще был депутатом, – начал очередной поучительный рассказ Шерага, – мы организовывали спортивные соревнования с членами правительства. Мы – это люди разных возрастов, из разных регионов, я про депутатов говорю. А в правительстве сплошь молодые крепкие люди. В принципе они были способны разгромить нас в любом виде спорта. Естественно, мы выбирали наиболее сподручный для нас вид – бильярд.

Депутаты Мажилиса поступили хитро и избрали меня капитаном команды. А это, как ты понимаешь, – руководитель, который должен настраивать команду на победный лад, показывать личный пример и играть на первом столе. Так что отступать некуда. Мой соперник Глеубердин. В то время Алтай Абылайулы работал руководителем канцелярии. До этого я слышал, что он очень хорошо играет в бильярд.

И в самом деле, едва началась игра, как он сразу забил два шара. Как ни стараюсь, у меня ничего не получается. Пока я раскачивался, он забил еще один шар. Что тут скажешь – мастер есть мастер. Не оставляет шансов. Что делать? Алтай не Аскар (имеет в виду Ахметова), не обманешь. К тому же это турнир. Все внимательно

следят за нашей игрой. Командная победа во многом зависит от этой встречи. Если я проиграю, то мои коллеги на других столах тоже могут потерять уверенность и уступить соперникам. А если выиграю...

И надо же, именно в это время к нам неожиданно подошел Куаныш. Он должен был выступать за волейбольную команду, так как моложе нас. В принципе покойный Толеметов хорошо играл и в бильярд. Оказалось, что волейбольные игры должны начаться после бильярдного турнира. «Шерага, как дела?» – спросил он незаметно, подойдя ближе. «Сам видишь, – недовольно ответил я, повысив голос – Молодые волки не дают вздохнуть свободно. Есть же пословица... “Волк старого выживает”»...

– Эй, ты чего смеешься? – Шерага накинулся на меня. – Ты не так понял, я сказал «выживает».

– Не все ли равно?

– Нет, не все равно. Дело в том, кто как поймет. Думаешь, нынешние члены правительства все как один знают смысл наших пословиц?! – сказал Шерага и поведал, что Алтай оказался человеком, понимающим намеки. Даже превосходя старшего по возрасту человека в мастерстве, он сделал так, чтобы не обидеть его.

– И какой счет получился?

– Восемь – семь в мою пользу, – горделиво сказал Шерага. – Следом другие члены правительства проиграли свои встречи депутатам. Ведь все мы потомки синего волка, правильно понимающие правила жизни и знающие цену слову.

Кстати, Шерага потом много рассказывал о земляке своем Куаныше Толеметове, который стал причиной победы коллег по команде, писал про него воспоминания и эссе. И меня подвигнул на написание материалов. Все они в свое время публиковались в печатных изданиях, озвучивались на телевидении и радио. Затем все они были дополнены депутатами и членами правительства и выпущены отдельной книгой под названием «Наш Куаныш». Ее собрал и написал к ней предисловие известный поэт Сатыбалды Дулати. В свое время Куаныш и ему оказал всестороннюю поддержку. Поэтому книгу о Куаныше мы восприняли как знак благодарности за его умение сопереживать.

«ТЫ ОБ ЭТОМ НИКОМУ НЕ РАССКАЗЫВАЙ!»

Часто бывает так, что за беседой перескакиваешь с одной темы на другую. Вот и в этот раз я вдруг вспомнил рассказ моего друга Дулата о том, как он в младенчестве вернулся с того света.

– Ты больше никому не рассказывай об этом, – предупредил меня Шерага.

Я вопросительно посмотрел на него.

– Понимаешь, у нас существует непонятная традиция, когда большинству творческих людей приписывают какие-то сверхъестественные истории, – продолжил свою мысль Шерага голосом с только ему присущим тембром. – Особенно это касается людей искусства и литературы. И когда называется имя такого человека, в первую очередь, на память приходит то событие, которое случилось с ним. Например, когда называют Сабита Досанова, сразу вспоминается то, как он выпал из самолета и остался жив, но никак не его литературное творчество. А я не хочу смешивать имя Дулата с такой «сенсационной историей». Так как он обладает особым писательским талантом. Ведь проведение международного театрального фестиваля «Мир Исабекова» подтверждает мои слова о своеобразии его таланта. Это честь для всей казахской литературы, чтобы ты знал! Так что ты особо не обращай внимания на такие невероятные истории своего друга. Я ведь тоже знаю

бедняг из числа литераторов, которые «умирали» или которых «убивали», но они все еще живы.

С той поры я больше не говорил на эту тему. Но как-то в одном из изданий прочитал воспоминания известного в стране деятеля культуры о Дулате «Человек, выживший после смерти» и задумался. Интересно, от кого автор слышал эту историю? Сам Дулат рассказал? Только не я. Безусловно, и Шерага не мог рассказать, так как он мне запретил «ты больше никому не рассказывай об этом». Но вопрос «кто?» не дает покоя...

ФУНДАМЕНТ И КРЫША

– Слушай, ты, оказывается, «крышуешь» нашего Бахытжана, – сказал Шерага при очередной встрече. – Почему до сих пор не рассказывал об этом?

– Какого Бахытжана? – спросил я и вспомнил, что такой вопрос я задал несколько лет назад.

Шерага понял меня. Мой сват Бахытжан (свекор моей младшей дочери Жазиры) в бытность советником акима Жамбылской области часто приезжал в Астану и близко сошелся с Шерага. Однажды на строительстве школы в Талапты возникли какие-то проблемы, и Шерага стал искать Бахытжана. Тогда я задал ему этот вопрос. В тот раз он меня отчитал как следует. Но теперь он только прищурился, будто испытывая меня, а потом сказал:

– Про героя Бахытжана говорю! Генерала Ертаева!

– Генерал-лейтенант...

– Какая разница?

– На погонах по две звезды, – объяснил я. – А у простых генералов – по одной звезде. Их называют генерал-майор. Также не забудьте, что Бахытжан Герой Казахстана и депутат Мажилиса.

– Хватит умничать! – Шерага поднял правую руку. – Народ знает о его заслугах. Ты мне лучше вот что скажи: если Бахытжан отдаст мне одну звезду с погона, я тоже могу стать генералом?

– Конечно! – поддержал я шутку. – Станете генерал-майором. Но зачем это Вам? Вы и без этого генерал! Генерал писателей!..

– Наверное, со звездами имел бы больше веса, – Шерага хитро подмигнул. – Надо спросить у Бахытжана. Скажу, что с «крышей» договорился.

Я не сдержался и рассмеялся. Шерага тоже улыбнулся.

– Да, я «крышую» его, – осмелел я, – он сам про то говорил, когда мы праздновали Ваше семидесятипятителетие.

– Ойпырмай, а, и как же я раньше не слышал об этом?

– Слышали. Он об этом говорил в ресторане, сидя рядом с Вами.

– Даже так?!

– Точно так!

Бахытжан при каждой встрече прикладывал руку к виску и привычно приветствовал меня: «О, моя крыша!» На том банкете он сидел рядом с Шерага в окружении депутатов из Астаны и сотрудников министерств. Когда я проходил мимо, он поднес руку к виску и воскликнул привычное «О...». Я это видел и отчетливо слышал. Может быть, некоторые из окружающих не обратили на это внимания.

– А почему он так называет тебя? – спросил Шерага.

– Дело в том, что я живу над ним.

Шерага недовольно нахмурился.

– Этажом выше, – стал я объяснять. – После того как Вы переехали в Тараз, мы тоже поменяли квартиру. Рядом с домом министерств. Оказалось, что и Бахытжан получил квартиру в том доме. Только этажом ниже нас. С тех пор мы в шутку зовем друг друга «крышей» и «фундаментом».

– Е, – удовлетворенно протянул Шерага, – вы оба, оказывается, не простые люди. Фундамент и крыша. А ведь дом в основном состоит из этих двух компонентов. Если фундамент крепок, то и крыша устойчива. Желаю вашим семьям процветания.

«Пусть Ваши слова будут услышаны Создателем!» – сказал я про себя.

ХОРОШЕЕ СЛОВО – СТАРИК

– В советское время мне посчастливилось несколько раз встречаться и сидеть за одним дастарханом с двумя выдающимися сыновьями казахского народа – Жазылбеком и Ыбыраем, – как-то вспомнил бывшее Шерага. – Духовно они были близки друг другу, но когда дело касалось еды, вели себя по-разному. Может, мне так показалось, но Ыбеке в еде был привередливым, а Жазеке, напротив, отличался отменным аппетитом.

– Так у него и телосложение было крепким, – заметил я на это.

– Что ты сказал? – Шерага недовольно посмотрел на меня и сам же ответил на свой вопрос: – Так ведь и Ыбеке не был тщедушным. Между ними не было большой разницы. Поэтому дело не в желудке, а в потребности. А потребность диктуется энергией человека. Энергия, в свою очередь, зависит от аппетита. Когда нет здоровья, нет и аппетита. Оба прожили немало лет. Отсюда вывод – у обоих не было больших проблем со здоровьем. Но мы с ними встречались, когда они находились в преклонном возрасте. Особенно это касается Ыбеке. И вот что я подумал: если человек всю жизнь занимался земледелием, физическим трудом, махал тяпкой, был легок на подъем, а потом на старости лет оказался не у дел, то вместе с неугомонным характером теряет и аппетит. По-другому не могу объяснить. Ведь они оба работали в поле, дышали свежим воздухом.

– Шерага, Вы если не каждую неделю, то каждый месяц рассказываете новые истории, связанные с этими двумя аксакалами, – сказал я.

– Откуда? – откликнулся Шерага. – Откуда на это время? Жизни не хватит. – Потом, будто вспомнив что-то важное, продолжил: – Когда скончалась байбише Ыбеке, Жазеке ездил выразить ему соболезнование. И знаешь, какими словами он выразил сочувствие? Вот такие слова нужно слышать, находить, чтобы писать книги. Диалог двух Героев труда – это серьезная народная философия! А если к ней добавить рассказы третьего мудреца – незабвенного Димеке, то можно увидеть нашу реальную жизнь в прошлом веке. Вот это и есть настоящее произведение! И почему об этом не пишет этот Куаныш, или Куандык, как правильно?!

– Может быть, он уже пишет!

– Может быть! – повторил мои слова Шерага. – Но между написанным и рассказанным большая разница. Сейчас нам осталось рассказывать. Есть поверье, что Аллах днем и ночью неустанно слушает хорошие слова о каждом человеке. И такой человек попадает в рай. Поэтому, когда речь заходит о людях, которых мы любим, нужно говорить об их лучших качествах. К примеру, я никогда не слышал о человеческих слабостях Ыбеке и Жазеке. И в дальнейшем о них будут говорить только хорошие слова. Умение рассказывать – устная литература. А устная литература – древний литературный жанр нашего народа. Имя человека, который становится героем такой литературы, никогда не сотрется из людской памяти. Потому что они будут продолжать жить вместе с народом.

ЕСЛИ СОБРАТЬ ВСЕ НАПИСАННОЕ ИМ

На меня произвел впечатление материал сотрудника полиции Дархана Жабаяева «Сердце, которое бьется за счастье нации», опубликованный в газете «Астана акшамы». Притягивает не столько заголовки. Обращает на себя внимание старое фото, на котором запечатлен Шерага, внимательно вглядывающийся в лист бумаги перед собой (похоже, снимок сделан в его бытность главным редактором). Понравилось и то, что автор, будучи из другой сферы деятельности, не побоялся написать на тему литературы и поделиться серьезными рассуждениями. Он сравнил произведения Шерага с родником, изливающим чистую воду. Они утоляют духовную жажду, вселяют силу и решимость, зовут на благородные дела, затрагивают самые потаенные струны души и не дают спокойно жить. Много поучительного можно почерпнуть из них. Они заставляют восхищаться многовековыми традициями и обычаями казахов, историей народа. Призывают бороться с мещанством и нуждой, против рабской психологии, которая продолжает отравлять нашу жизнь даже в суверенном государстве. А затем автор делает детальный анализ публицистических произведений Шерага.

Воспоминания стали накатывать волнами. Слова рядового сотрудника полиции о жанрах литературы и журналистики заставили задуматься. Если бы у Шерага не было томов романов и повестей, то, как говорит автор, заблестали бы его публицистические произведения. Они представляют собой ценный материал для научных трудов и жанровых исследований. И все же есть сомнения, что охвачено все написанное Шерага.

Однажды я по просьбе директора издательства «Елорда» Турлыгазы Дуанбека просмотрел вырезки статей и очерков Шерага из газет, собранных в две папки.

– И это все? – спросил я тогда.

– Да, то, что собрали...

Позже я об этом спросил самого Шерага.

– Ты же знаешь, что я небрежен, небрежлив с бумагами, – ответил он, поглаживая голову. – Много чего было написано и потеряно. Особенно то, что было написано, когда я был корреспондентом в северном регионе. Может, ты поищешь их, когда будешь свободней.

Да разве выкроишь свободное время в нынешние времена?! Поэтому нужен освобожденный человек, который собирал бы все написанное и сказанное Шерага. Причем нужен человек, разбирающийся в литературе. Например, как Тилеккабыл Борангалиев, в одно время работавший помощником Абиша Кекильбаева. Или как Рахымжан Отарбаев, помогавший Мухтару Шаханову, когда тот работал послом. Правда, у Шерага были помощники во время его депутатства. Но я не видел, чтобы кто-то из них искал произведения Шерага, листал газеты и журналы с его материалами. Они занимались лишь текущими вопросами.

Зная характер Шерага, думаю, что он не просил их заняться приведением в порядок его творческих трудов.

К восьмидесятилетию юбилею Шерага научно-исследовательский центр «Шерхантану» Таразского инновационно-гуманитарного университета выпустил пятитомное собрание сочинений, в котором собраны публицистические статьи и познавательные материалы Ш. Муртазы разных лет. Но и в этом труде я не встретил материалы, написанные Шерага в его бытность корреспондентом в северном регионе республики.

Да, если собрать все написанное Муртазой, то можно выпустить еще не одну книгу. Главное, не забывать об этом в будущем.

ВЫШЕДШИЕ ИЗ ЕГО ЧЕКМЕНЯ

Мне посчастливилось работать вместе с Утегеном Оралбаем, оставившим неповторимый след в литературе. Вначале мы работали в газете «Егемен Қазақстан», а затем и в Акорде. Он часто повторял: «Вот ты пишешь про Шерага, но знаешь ли, сколько он воспитал учеников?»

Я задумался. Всем известно, что господин Муртаза в бытность Муртазаевым, когда руководил газетами и журналами, а также телевидением и радио, воспитал сотни молодых людей. А кто знает конкретную цифру? Известные поэты и писатели честно признаются, что они «вышли из чекменя Шерага», а кто считал других, менее известных?

Этой мыслью я поделился с Утегеном во время одной из встреч.

– Понятно, что я не останусь в стороне, – поддержал он меня. – Мы с ним вместе работали и в «Лениншіл жас», и в «Егемене». Надо для начала вспомнить тех, кого на работу приглашал сам Шерага. Например, из Атырау – Абиша и Фаризу, с Алтая – Оралхана и Дидахмета.

– Из Жамбыла Калдарбека и Карибая, – подсказал я.

– Жумекен и Рахымжан! – вспомнил он.

– Мухтар и Туткабай!

– Акселеу и Кадырбек!

– Магира и Жумакуль!

– Серик и Куанышбай!

– Муса и Елен!..

Вот так, поочередно вспоминая, мы насчитали свыше тридцати человек.

– Сейчас они все сами воспитывают учеников, – стал философствовать Утеген.

– Следовательно, их ученики будут считать учителем учителя своего наставника.

– Если посчитаем их всех, то получится, что половина пишущей братии вышла из чекменя Шерага!

И в самом деле так!

Перевод с казахского Бекета Момынкулова.

